

— вот тут, Маруся, была когда-то пирожковая. — Я огляделась и не нашла и следа бывлой закуской, вместо нее был теперь салон мобильной связи.

— А здесь — магазин канцтоваров, очень удобно, идешь из школы, если тетрадки нужны, или ручка шариковая, или карандаш с резинкой, то вот тут все рядом.

Ага, было рядом... А теперь нет. Потому что вместо канцелярского магазина в том самом месте был секс-шоп. Вот прямо рядом со школой, совсем одурели они, что ли? Дети же мимо ходят!

Маруся посмотрела на меня с легким недоумением и, кажется, даже пожала плечами.

— Ну, — я вздохнула, — неудивительно, что все изменилось, все-таки двадцать лет прошло... Пойдем дальше, я покажу тебе мою школу. Между прочим, десять лет там отучилась.

Мы завернули за угол, и тут я встала как вкопанная. Потому что здания школы не было. Не было футбольного поля перед входом, не было пары

скамеек, где сидели мы в теплую погоду, готовясь к экзаменам, не было дырки в заборе, от которой шла тропинка ко входу в школу, и сам забор тоже отсутствовал.

То есть забор был, только не такая старая заржавленная решетка, в которой предприимчивые школьники проделывали дырки для удобства передвижения. Теперь это был сплошной забор из одинаковых бетонных секций, покрашенных в васильковый цвет. Причем, судя по сизому оттенку и пятнам, покрашен забор был очень давно.

Маруся подбежала к забору и попыталась заглянуть в щель. Потом посмотрела на меня теперь уже не с удивлением, а с обидой: мол, все время ты меня обманываешь, нет же здесь никакой школы. Школа — это когда шум, гам, дети бегают, звонок звенит, а тут только большая яма, водой наполненная, и мусор всякий.

Точно, вместо здания школы был огромный котлован, причем, судя по горам постороннего мусора, его вырыли очень давно, да так и оставили.

Мы обогнули забор и увидели ворота, закрытые на тяжелую заржавленную цепь. На воротах висел выгоревший щит, где написано было, что там, за забором, осуществляется строительство детского спортивно-развлекательного центра, с указанием, что работы должны были завершиться три года назад.

— Но тут точно раньше была моя школа!

Маруся в ответ только недоверчиво фыркнула, а я развернулась и пошла дальше, не оглядываясь. Я ведь не вру, просто очень давно не была в этом районе.

Через три минуты Маруся догнала меня и легонько тронула за руку, извиняясь:

— Ладно уж, не будем ссориться!

И мы бодро припустили к скверу.

Раньше за сквером был пустырь, где организовалась несанкционированная собачья площадка, а с другой стороны сквер вплотную подступал к зданию художественной школы, куда я ходила целых пять лет. Но рассказывать про это Марусе я не стала, поскольку, кто знает, может, и художки тоже уже нет, и Марусяка будет надо мной смеяться.

Сквер был, точнее не сквер, а целый парк, потому что к нему присоединили тот самый пустырь, засадили его кустами и сделали на нем шикарную детскую площадку и огромную клумбу. Сейчас, по осеннему времени, клумба была закрыта еловыми ветками, не иначе по весне вылезут тюльпаны и нарциссы.

На детской площадке сидели две мамы с колясками, в песочнице ползал симпатичный карапуз в розовой шапочке с помпоном. Маруся очень любит общаться с детьми, но вот взрослые реагируют на нее не всегда адекватно.

— Туда нельзя, — сказала я Марусе, и она погрузилась.

Мы пошли прямо по газонам, усеянным желтыми и красными кленовыми листьями. Клены были те же самые, но как же они выросли за двадцать лет!

Маруся оживилась и побежала вперед.

— Только не убегай далеко! — крикнула я и огляделась.

Где-то здесь, в этом углу парка, было место, куда мы, ученики художественной школы, приходили на этюды.

На самом деле это были такие же занятия, только в теплую погоду на улице. Сейчас та поляна, где сидели мы на складных стульях, заросла густыми кустами шиповника, и там, в кустах, было заметно какое-то шевеление.

— Маруся, ты где? — крикнула я, обогнула кусты и увидела такую картину.

На складном стуле сидел мужчина в теплой куртке с капюшоном, перед ним стоял мольберт. Рукой с кистью мужчина отбивался от моей красавицы.

Маруся, мой золотистый ретривер, очень красивая, но не в меру любопытная! Ей все интересно, поэтому ей нужно не только посмотреть, но и потрогать... носом или лапами. Обычно люди относятся к ней с пониманием, но в данном случае она попыталась опрокинуть этюдник, так что в сердитом окрике мужчины был свой резон.

— Маруся, немедленно перестань! — Я подбежала к мужчине и схватила эту хулиганку за ошейник.

— Вы извините, она не хотела ничего плохого, просто посмотреть... — заговорила я.

— Да я вообще-то собак не боюсь, — ответил он, — только вот краски размазала...

— Вот видишь, что ты наделала, испортила картину! — не на шутку рассердилась я.

— Да это еще не картина! — Мужчина рассмехался, потом повернулся ко мне, и тут лицо его

переменилось, на нем проступило странное выражение.

— Катя? — неуверенно спросил он. — Катя Плотицына?

Я вздрогнула, услышав от постороннего человека мое имя и фамилию. Точнее, фамилия-то была моя, но прежняя, уже лет пятнадцать, как я ношу другую. Ага, как раз завтра будет пятнадцать лет... А я и забыла. И все забыли. Ну, теперь это не важно.

Я внимательно всмотрелась в лицо мужчины. Обычное лицо, красное от ветра, а брови светлые, выгоревшие. Возраст примерно как мой, ну да, раз он меня помнит по старой фамилии, стало быть, мы с ним в школе учились. Судя по мольберту, в художественной школе. Вот в этой вот самой.

— Не узнаешь меня, — расстроился мужчина, — а если так?

Он встал и откинул капюшон куртки. Эти волосы, как у рассерженного ежа иголки, я не могла не узнать.

— Бобрик! — закричала я. — Мишка, это ты?

— Я! — Он раскинул руки, и я бросилась бы ему в объятия, если бы не Маруся.

Она очень не любит, когда меня кто-то трогает. Такая привычка появилась у нее не очень давно. Вообще Маруся с детства была очень ласковая и игривая, как все щенки ретривера. И очень добродушная, всех любила и привечала. И все без малого пять лет, которые Маруся живет на свете, она такой и была.

Пока Вадим окончательно не сошел с катушек и не начал устраивать дома цирк.

Это я так мягко выражаюсь, на самом деле это был не цирк, а форменный кошмар. Пока он орал и ругался, Маруся пряталась в ванной, она очень не любит шума. Особенно не любит, когда человек теряет лицо и выходит из себя.

Тем более что раньше в нашем доме такого никогда не случалось, я, женщина спокойная и выдержанная, умела гасить раздражение мужа, когда он приходил домой злой после тяжелого дня. То есть умела раньше. Точнее, я так думала. Как выяснилось, я ошибалась.

Когда Вадим поднял на меня руку, с Марусей случилась истерика. В ее собачьей голове никак не укладывалось, что хозяин может причинить вред хозяйке. То есть нельзя сказать, что они с Вадимом были раньше неразлейвода, но все-таки.

Собственно, щенка купили для Андрюши, но ему быстро надоело убирать лужи и искать по квартире изгрызенные предметы, так что Марусей занималась я.

В тот раз едва не пришлось вызывать скорую ветеринарную помощь. Вадим плюнул и ушел из дома, хлопнув дверью, Марусе я дала успокоительные капли, а сама безуспешно пыталась что-то сделать с распухшей щекой.

Мы продержались еще пару недель, но Маруся с тех пор не отходила от меня ни на шаг, а когда Вадим снова принялся за свое, она его укусила. Так, цапнула легонько, но он схватил стул и все-ррез пообещал, что разможит моей псине голову, если я не отвезу ее к ветеринару, чтобы немедленно усыпить.

Он был в такой ярости, что я пообещала все сделать, как он велит. Тогда я здорово испугалась.

Он снова ушел из дома, к тому времени он давно уже не оставался на ночь, а я стала собирать вещи. Я погрузила в машину два чемодана и Марусю и уехала в родительскую квартиру.

Это было десять дней назад, с тех пор Маруся стала гораздо спокойнее, только не выносит, когда я с кем-то близко общаюсь.

Правда, до этого мы в основном проводили время только вдвоем, даже с другими собачниками не встречались, Марусе вполне хватало моего общества.

Все эти мысли промелькнули у меня в голове за секунду, и я, так сказать, остановилась на полпути. Но все равно псина вклинилась между нами и легонько рыкнула на Бобрика.

Мишка Бобров по кличке Бобрик, мы с ним пять лет проучились в художественной школе и столько же времени провели в этом парке, рисуя клены и кусты сирени!

— Что это с ней? — Мишка воззрился на Марусю.

— Ой, извини, она очень не любит, когда ко мне близко кто-то стоит... — Я вовремя удержалась, чтобы не сказать, что Маруся не терпит только мужчин рядом со мной.

Тогда придется рассказывать про свое нынешнее семейное положение, а уж этого я точно не хочу делать.

— Охраняет, значит... ну что ж, это хорошее дело... — Бобрик показал Марусе пустые ладони. —

Да не волнуйся ты, ничего плохого я твоей хозяйке не сделаю.

Вы не поверите, но Маруся слегка усовестилась и смущенно отошла в сторонку. Все же я не стала рисковать и только легонько погладила Бобрика по плечу.

— Рад тебя видеть! — сказал он, и я поняла по его тону, что это так и есть.

— Да, — сказала я, осторожно подбирая слова, — теперь тут живу, в квартире родителей.

— Роман Петрович...

— Отец умер три года назад...

— Я слышал, что болел он тяжело...

— Да, после инсульта так и не оправился. А как ты? — Я решила сменить тему.

— Да я... Слушай, Катерина, что мы на улице-то? Я замерз, третий час уже тут торчу, все солнца ждал, да, видно, не будет больше солнца. Пойдем тут недалеко кофе выпьем и поговорим.

Я помедлила чуть-чуть. С одной стороны, очень не хотелось рассказывать Мишке про свою жизнь. С другой — хотелось поболтать о прошлом, вспомнить общих знакомых и вообще посидеть в тепле с чашкой кофе... Как приятно.

Я осознала, что тоже замерзла, все-таки на дворе октябрь, а нам гулять нужно еще часа полтора, Васильич сказал, что раньше никак не управится. Будет сверлить или штробить, я толком не поняла, знаю, что шумно и много грязи. А Маруся боится громкого шума, так что мы уходим из квартиры.

— Да я бы с радостью! — вырвалось у меня. — Но ведь с собакой не пустят.

— Пустят, — успокоил меня Мишка. — Пойдем! Он быстро собрал свои кисти и краски, повесил этюдник на плечо и приглашающе махнул рукой:

— Тут недалеко!

Кафе было новое — стеклянный павильончик на выходе из парка, раньше там ничего не было. Днем там и народу было всего ничего, так что Бобрик оставил нас на улице, а сам удалился внутрь на переговоры, которые оказались весьма успешными, поскольку тут же выскочила симпатичная полная блондинка моего примерно возраста и поманила нас внутрь. Мишка уже сидел в самом дальнем углу.

— Вот только ради Михаила нарушаю! — сказала блондинка. — Опять же, собачка уж очень милая.

Маруся нацепила на морду самое приятное выражение и едва ли не присела в церемонном поклоне.

Мы уютно устроились в уголке, и через десять минут блондинка принесла две чашки кофе, Михаилу огромный бутерброд с ветчиной и сыром, а мне — булочку с марципаном.

— Вот, познакомься, Лариса, подруга моя школьная! — сообщил Бобрик. — Лет двадцать не виделись!

Лариса улыбнулась приветливо, из чего я сделала очевидный вывод, что нет у нее на Бобрика никаких видов, просто так она к нему хорошо относится.

Пока он ел, я направила беседу в нужное русло. Не касаясь опасных тем, я расспрашивала о школе и о прежних соучениках.

— Школа, как ты видела, никуда не делась, — рассказывал Мишка, — расширилась даже, еще классов прибавили, я там преподаю время от времени.

— А Леонида Пална? Жива?

Такое имя было у нашей директрисы, которая преподавала в школе историю искусств.

— Жива, что ей сделается! Каждую весну грозит на пенсию уйти, а потом осенью снова на рабочем месте.

Дальше мы перебрали старых знакомых, кто где, Мишка знал про многих.

— А ты сам как? — спросила я, чтобы он не задал этот скользкий вопрос мне.

— Да как... закончил академию, работал где-то от случая к случаю, реставратором, художником-оформителем, потом в школу вот устроился преподавать. Пишу помаленьку, в выставках участвую, персональную готовлю.

— Здорово! — искренне сказала я. — Всегда знала, что из тебя получится что-то стоящее.

— А ты? — начал было он, и настроение у меня тут же упало.

Надо же, а как хорошо было сидеть тут, в тепле, пить кофе и разговаривать. Впервые за долгое время туго скрученная пружина внутри меня не то чтобы распрямилась, но чуть ослабла.

Стало чуть легче дышать, ужасные воспоминания слегка подернулись дымкой, в ушах перестали звучать крики мужа, перед глазами не стояло его лицо, искаженное злобой и ненавистью.

Бывшего мужа, тотчас поправила я себя. Точнее, официально пока не бывшего. Только об этом

лучше не думать. А пока отговориться занятостью и недостатком времени и поскорее уйти.

Положение спасла Маруся. Она положила голову Бобрику на колени с намерением выпросить кусок ветчины, от моей булочки ей не было никакой пользы.

— Ох ты, моя хорошая! — расчувствовался Мишка.

— Ей нельзя ветчины! — тут же спохватилась я. — Сыру можешь дать, только маленький кусочек.

— Маруся... — умилился он, слыша чавканье под столом. — А полное имя как?

— Ты не поверишь, — вздохнула я. — Марсельеза! Она породистая очень, с таким именем ее и купили.

— Как? Марсельеза? — Мишка захохотал и тут же запел на мотив «Марсельезы»:

— Отречемся от старого ми-и-ра, отряхнем его прах с наших ног!

— Мишка, не надо! — взмолилась я. — Прекрати сейчас же! Это плохо кончится!

Но он меня не слышал и самозабвенно выводил:

— Нам не нужно золотого куми-и-ра, ненавиден нам ца-арский черто-ог!

Надо же, слова какие-то знает...

— Мы пойдем по следам наших братьев...

И вот тут началось. Маруся, прожевав сыр, вылезла из-под стола, села, аккуратно расположив лапы и... завыла. Я-то знала, что это она так подпевает своей любимой песне, но непосвященным людям эти звуки слышались воем.

— Что это с ней? — подбежала Лариса.

— Это она так поет, — обреченно объяснила я.

— Так, замолчали оба! — приказала она, мигом уразумев ситуацию. — У меня все посетители разбегутся!

И то верно, заглянули в кафе две интеллигентные пожилые дамы, но, увидев самозабвенно завывающую Марусю, решили не рисковать и ушли.

Ларису эти двое послушались, и в кафе хотя бы на время установилась тишина.

— Она всегда подпевает, когда «Марсельезу» поют, привыкла уже, потому что люди как узнают ее полное имя — так сразу петь начинают, — объяснила я. — Кстати, Мишка, откуда у тебя такой текст? Обычно по-французски поют или просто ла-ла-ла.

— А это мне бабушка в детстве вместо колыбельной пела, — ухмыльнулся он.

Внимая строгому взгляду Ларисы, мы решили уйти, а то и правда у нее неприятности будут.

— Слушай... — заговорил Мишка, когда мы шли по дороге к моему дому, — ты не думай, что я в душу лезу, но один вопрос все же задам. Ты за эти годы кисть в руках вообще не держала?

— Так получилось... — голос мой против воли дрогнул, — как переехала от родителей, так и забросила все. Как-то не до того было, работа, потом... потом совсем другая жизнь была...

— Жаль... — протянул Михаил, — помню я твои работы, что-то в них было такое... стоящее. В общем, слушай, тут такое дело... Есть такая Милана Вуячич, ты ее не помнишь, она школу нашу окончила за пять лет до нас?

— Да откуда же я ее помнить могу... хотя... вроде бы фамилия знакомая...

— Не важно. В общем, у нее своя художественная галерея тут неподалеку. Так, небольшая, но такое место хорошее, в общем, по старой памяти она нас привлекает, работы наши берет, персональную выставку мне обещала. Но вот через неделю как раз у нее выставка открывается «Город позавчера».

— Это что за название? — усмехнулась я.

— В том смысле, что работы молодых художников, сделанные лет двадцать или двадцать пять назад.

— Ну а я-то тут при чем? — Я пожала плечами.

— А при том, что ты как раз столько лет назад школу нашу окончила. И помню я твои работы, особенно один дом старый, который вон там находился. — Мишка махнул рукой в сторону.

— Да? Неужели помнишь? — оживилась я. — А что там теперь, стоит дом еще?

— Да о чем ты говоришь? Его лет пятнадцать назад окончательно расселили, потом его бомжи заняли, вскоре их полиция выгнала, заварили все двери, окна забили наглухо, и поселились там одни крысы. Причем такие крупные — мама не горюй! Люди из окрестных домов жаловались, что ходят они вокруг дома прямо стадами, ночью мимо пройти страшно. Кошки бездомные куда-то все подевались, и вроде бы даже собачки маленькие стали пропадать.

— Ужас какой!

— Угу, потом крыс не то потравили, не то они сами ушли на новое местожительство, а потом уже

дом бульдозерами разломали, все место расчистили и на том месте сделали рынок. То есть поставили несколько павильонов, ерундой разной торгуют.

— Жалко, дом такой замечательный был.

— Вот и я о том же! А ты его все рисовала, так неужели ничего не сохранилось?

— Да я не знаю... Может быть, где-то валяется...

— Брось, я-то знаю, что твой отец не мог твои работы выбросить! Он в этом понимал...

Я отвернулась. Если бы он знал, каким был отец два последних года после инсульта... И эта его мадам...

Мама умерла, когда я училась на третьем курсе института. Онкология, очень агрессивная. Болезнь протекала у нее удивительно быстро. Поначалу она бодрилась, надеялась на лучшее, и врачи обещали, что все у нее будет хорошо.

Она никогда не жаловалась, прошла лечение, и вроде бы все наладилось, она даже на работу вышла, а потом...

До сих пор не могу спокойно вспоминать, как утром позвонил отец и сказал чужим голосом, что мама умерла. Я еще долго не могла понять, что он имеет в виду, пока он не заорал на меня, что утром нашел ее в ванной на полу уже холодную. Врачи потом сказали: сердце не выдержало, и она умерла мгновенно, не страдала. Впрочем, они всем родственникам так говорят.

Я тогда снимала квартиру с одним парнем, не от большой любви, а просто захотелось пожить отдельно от родителей. Не получила я от него ни теплых слов, ни утешений, ни поддержки, да, в общем, не

очень на это и рассчитывала, поэтому собрала вещи, не дожидаясь конца месяца, и ушла к отцу.

Теперь я понимаю, что ему пришлось тяжелее, чем мне, он маму нашел. И винил себя, что спокойно спал, когда она умирала.

В общем, он начал пить, потом уволился с работы, мы ссорились, потому что у меня тоже испортился характер.

К тому времени я нашла уже приличную работу и заговорила об обмене квартиры. Отец, разумеется, не согласился, а потом попал в больницу, потому что его сбила машина. Водитель нанял адвоката, отец был пьян, так что в полиции и разбираться не стали, прикрыли дело по-тихому.

Отец долго лежал в больнице с черепно-мозговой травмой и, как ни странно, выжил и остался нормальным человеком.

Вот именно в больнице он полностью переменялся, бросил пить, устроился потом на работу. Только мы с ним никак не могли ужиться, так что я переехала к своему очередному парню... как же его звали... неужели забыла?

— Кать, ты про меня забыла, что ли? Очнись!

Оказывается, мы с Мишкой стоим на переходе уже минут десять, а я застыла в ступоре.

— Извини, — я потрясла головой, — просто вспомнила, как отец болел.

— Это ты меня извини, — Бобрик приобнял меня за плечи, — извини, что я рану стал беречь...

Так мы и пошли через улицу, обнявшись, и можете мне не поверить, но Маруся послушно трусила рядом и не пыталась на Мишку рычать и кусаться.

— Слушай, Катерина, — втолковывал он, — я, конечно, понимаю, что у тебя сейчас настроение не то, но преодолей себя и все же поищи свои картины, потому что, если мы завтра их не принесем Милане, она потом их не примет. Выставка почти готова, картины все у нее, так что потом, когда их окончательно разместят, перевешивать ничего не будут. Поняла мою мысль?

— Поняла, — вздохнула я, — поняла, что с тобой спорить — себе выйдет дороже...

— То-то же, лучше сразу согласиться!

Когда мы подошли к моему подъезду, Мишка все же сумел вырвать у меня обещание, что я сегодня же найду свои старые картины и вечером ему позвоню.

А если нет, то он утром сам позвонит и придет, чтобы помочь мне картины донести до Миланиной галереи. А с ней он договорится.

Квартира встретила нас с Марусей пустотой и тишиной. Васильич на мой вопрос по телефону сказал, что на сегодня он закончил и придет завтра утром и чтобы я не пускала собаку в большую комнату, потому как там все розетки сняты, а любопытная псина обязательно сунет мокрый нос куда не нужно.

Замка на двери в комнату не было, так что я заклинила ручку стулом, да еще на всякий случай связала ее с ручкой ванной.

В ванной комнате было нечего делать, потому что там не было ни ванны, ни раковины, подсыхал только цемент на полу.

Маруся удалилась на кухню, чтобы перекусить, а я со вздохом посмотрела на антресоли.

Ну да, я прекрасно знаю Бобрика, не зря пять лет мы просидели с ним рядом на этюдах и на занятиях в художественном классе. Если он что-то втемшит себе в голову, его от этой мысли никакими силами не уведешь. Вот и сейчас — если он решил уговорить меня участвовать в выставке, проще согласиться...

Значит, хочешь не хочешь, мне придется искать свои старые работы...

Честно говоря, мне и самой было интересно на них взглянуть, вспомнить свое давнее увлечение.

Я вообще-то помнила, куда спрятала все связанное с тем периодом своей жизни. На антресоли в этой самой квартире. Как раз когда забирала кое-какие вещи уже после свадьбы с Вадимом. Тогда я была уверена, что не вернусь сюда больше никогда. Что ж, пятнадцать лет — срок приличный, и все это время мои вещи лежали на антресолях.

Бобрик прав — отец никогда бы их не выбросил.

Я притащила из кухни старую крепкую табуретку, удивительно некрасивую, но удивительно прочную.

Черт ее знает, каким чудом она уцелела — видимо, как раз для таких целей, если нужно вернуть лампочку или залезть куда-нибудь на верхотуру, современные стулья не годятся, да и жалко их. Васильич табуретку очень хвалил, теперь, говорил, такую и взять негде, не делают их больше...

Короче, я поставила ее в коридоре, вскарабкалась на нее и открыла антресоли.

Оттуда сразу пахло прошлым — слежавшейся пылью, старыми газетами и пиненом.

Если кто не знает, пинен — это самый ходовой растворитель, которым пользуются все живописцы. Делают его, если я не ошибаюсь, на основе скипидара, и запах у него — мама не горюй. Все, кто причастен к живописи, пропахли им надолго, если не навсегда.

Кстати, это было одной из причин, по которой я бросила живопись, когда вышла замуж.

Говорят, запахи сильнее всего пробуждают воспоминания, и вот сейчас мне столько всего вспомнилось...

Маруся тоже почувствовала запах пинена и прибежала в коридор, уселась рядом с табуреткой и задрапа морду — что это там задумала хозяйка и чем это пахнет?

— Сиди спокойно! — прикрикнула я на нее, принюхалась и устремилась прямо на неизгладимый запах растворителя.

И очень быстро нашла среди всякого барахла старый большущий кожаный чемодан.

Чемодану этому не меньше ста лет, он каким-то образом сохранился в нашем доме, и когда мне пришло в голову избавиться от всего, связанного с живописью, я поступила очень просто — сложила все в него и отправила на антресоли.

И вот сейчас я потащила его на себя.

Чемодан был тяжеленный, и табуретка подомной угрожающе зашаталась.

Маруся заволновалась, забегала вокруг меня, тихонько поскуливая.

— Сиди... сиди смирно! — пропыхтела я, выволакивая чемодан на свет божий.

Каким-то чудом табуретка устояла, и я грохнула чемодан на пол, едва не прищемив Марусе хвост.

Она обиженно твякнула и отскочила.

Я слезла с табуретки, перевела дыхание и открыла чемодан.

Здесь было два этюдника, перемазанный давно засохшей краской мольберт (наверное, его сейчас можно выставлять как объект авангардного искусства), бутылка того самого пинена, несколько десятков тюбиков с красками, использованных и новых. Я перебирала эти тюбики и вспоминала... берлинская лазурь, жженая кость, умбра, сурик... этюды, работа на природе, натюрморты...

Внизу, под всем этим богатством, лежала большая картонная папка с завязками.

Вот оно, то самое, что я искала, — большая папка с моими уцелевшими работами!

Я вытащила папку из чемодана, положила на пол, развязала завязки, открыла...

Маруся, конечно, тут же сунула в папку свой влажный нос.

— Маруся, — строго проговорила я, — давай договоримся. Смотреть можно, но трогать — ни-ни! Ни лапой, ни носом! Это как-никак произведения искусства!

Моя псина фыркнула, но убрала нос подальше.

А я стала перебирать работы.

Сверху лежали несколько робких ученических этюдов — глиняный горшок, ваза с яблоками.

Я сохранила их из сентиментальных побуждений — чтобы помнить, с чего все начиналось.

Дальше... дальше были тоже этюды, но более сложные.

Вот кони на Аничковом мосту, вот Казанский собор...

А вот более скромные объекты — старая картонажная фабрика, подъемные краны в порту, баржи на Малой Невке, рыболовы возле Тучкова моста...

Это когда я поняла и почувствовала красоту скромных, непритязательных вещей и людей.

Осторожно переложив десятка два старых раббот, я увидела кое-что знакомое.

Дом с башенкой, как я называла его в детстве.

Этот дом стоял когда-то в конце нашей улицы. Мишка сказал, что его давно уже снесли, теперь на том месте построили торговые павильоны, а когда-то этот дом был главным объектом моих интересов.

Началось все, когда мне было три с половиной года.

Мы с мамой пошли гулять, и тут мама встретила тетю Свету — свою давнюю знакомую, которая жила в соседнем доме. Они сцепились языками, а я стояла возле маминой юбки и скучала.

Потом я увидела кое-что очень интересное: рыжая кошка несла за шкурку маленького рыжего котенка.

— Что ты делаешь, киса? — проговорила я строго. — Ему же больно...

Может быть, я выразила свою мысль не так четко, но так уж мне запомнилось.

Кошка не обратила на мои слова никакого внимания, и тогда я пошла за ней, чтобы навести порядок в кошачьем семействе.

Мама продолжала болтать и не заметила моего исчезновения, как и тетя Света.

Я шла за кошкой, и шла, и шла, а потом кошка юркнула в подвальное окно, а я туда не смогла пролезть.

Я огляделась по сторонам.

Мама поблизости не было, и нашего дома не было, а был рядом со мной большой и красивый дом с удивительной башенкой.

Потом он уже не казался мне таким большим — должно быть, я сама выросла.

Я еще раз огляделась.

Мама по-прежнему не было.

Тут передо мной возник чрезвычайно сложный вопрос: плакать или не плакать?

С одной стороны, во всяком трудном положении я плакала, и мама тут же приходила на помощь...

Но с другой стороны, как раз мамы сейчас не было, а если мамы нет, то кому плакать?

Я подумала немножко и все-таки решила заплакать — так, на всякий случай.

И метод сработал: возле меня появился большой человек с густой бородой.

Я прежде видела человека с бородой — это был Дед Мороз. Но этот человек совсем не был похож на Деда Мороза, у него не было длинной шубы и шапки, хотя пахло от него похоже — как я позже узнала, мужским одеколоном и коньяком.

— Детка, что ты плачешь? — спросил он большим, гулким, мужским голосом.

— Я плачу не тебе, — ответила я недовольно, — я плачу маме!

— Но где же твоя мама?

— Она потерялась.

— Может быть, это ты потерялась?

— Дядя, ты что — совсем глупый? Как же я потерялась, когда я — вот?

— Логично! — согласился незнакомец. — А ты знаешь, детка, где ты живешь?

— Конечно, знаю! — возмущенно проговорила я. — Я же ведь не маленькая!

— Ну и где же ты живешь?

— Я живу дома!

— Это понятно. А в каком доме? Ты не помнишь его номер? Или номер квартиры?

Я замолчала и снова начала всхлипывать.

Ну, я не маленькая, но все-таки он от меня слишком много хочет!

— Ну, не плачь, не плачь... мы что-нибудь придумаем...

Но мне уже трудно было остановиться, я плакала все громче, все горше...

— Ну, не надо, не надо... — бормотал бородач. — Понимаешь, я не умею обращаться с маленькими детьми... ну, хочешь, я тебе покажу очень красивую вещь?

Я кивнула сквозь слезы.

Он взял меня за руку и повел на крыльцо, потом в двери того самого дома, мы вошли внутрь и оказались в большой комнате.

Сперва эта комната показалась мне некрасивой.

Мебель в ней была темная, у столов и кресел — звериные лапы, обивка темной потертой кожи.

На стенах висели картины, тоже некрасивые — не цветы и не маленькие котята, а какие-то незнакомые, неприветливые строгие люди в старомодных костюмах...

Но все же это было интересно, и плакать я перестала.

— Ты не вспомнила свой адрес? Может быть, ты помнишь, что видела из своего окна?

— Собачку, — ответила я не задумываясь. — Собачку с косточкой.

— Она приходила гулять под твоим окном?

— Нет, зачем ей приходиться! Она там всегда!

— Всегда? — переспросил он.

Мне надоели эти расспросы.

— Ты обещал мне показать какую-то красивую вещь! — напомнила я незнакомцу.

— Да, конечно, раз обещал — непременно покажу!

Он открыл один из шкафов, достал оттуда круглую коробку, из нее вынул какую-то и правда интересную вещицу — круглую, ажурную, золотистую, по бокам которой были вырезаны лошадки и птички, а в середине какая-то прозрачная вещь вроде лампы...

Я первый раз видела такое, но в голове у меня прозвучало название — золотая карусель...

Не знаю, откуда взялись эти слова — может быть, их произнес бородатый человек...

Тем временем незнакомец поставил эту вещицу на стол, зажег спичкой лампу и погасил верхний свет...

Золотая карусель начала медленно вращаться — и тут же по стенам комнаты побежали лошадки и птицы, они неслись по кругу друг за другом, друг за другом... а потом на стенах комнаты появились удивительные светящиеся картинки.

Красивые всадники на чудесных лошадях ехали по цветущей степи, перед ними бежали собаки, а впереди летели яркие, удивительные птицы...

Приглядевшись к этим птицам, я увидела, что у них лица прекрасных девушек, а потом они запели...

А потом... потом они стали трясти меня:

— Проснись, Катюша! Проснись!

И я проснулась — хоть мне очень не хотелось.

Возле меня стояла мама, лицо у нее было такое, как будто она только что плакала. Но ведь этого не может быть, так не бывает, мамы же никогда не плачут!

Сейчас она не плакала, сейчас она то ли радовалась, то ли сердилась на кого-то.

Рядом с ней стоял тот самый большой бородастый человек, и мама то ли благодарила его, то ли отчитывала.

— Спасибо вам, конечно, большое... — бормотала мама растерянно, — но зачем вы ее сюда привели...

— А куда? На улице холодно, своего адреса она не знала... хорошо, что она вспомнила собаку...

— Какую еще собаку? — переспросила мама, нервно кусая губы.

— Собачку с косточкой! — подсказала я.

— Какую еще собачку? С какой косточкой?

И как это вам, интересно, помогло?

— Это рекламный плакат, — ответил мужчина. — Реклама собачьего корма... я увидел его изда- лека, подошел к этому плакату — и тут увидел вас...

Мама бегала по улице и спрашивала всех встреч- ных, не видели ли они маленькую девочку. Тут к ней и подошел бородатый дяденька и привел к себе...

— Спасибо вам... — нервно повторила мама и резко повернулась ко мне: — Никогда больше так не делай! Ты так меня напугала! Ну зачем, за- чем ты убежала?

— Я пошла за кошкой, она несла котенка, ему было больно, а ты разговаривала с тетей Светой...

— Что? — Мама вдруг покраснела. — Глупо- сти, ничего я не разговаривала... ну, может быть, два слова... не слушайте ее, она сама не знает, что говорит...

— Ну да, ну да... я не слушаю...

— Ну все, котенок, пойдем! — Мама взяла меня за руку и повела из этой комнаты, из этого дома.

Под конец я обернулась и увидела картину, ко- торая навсегда отпечаталась в моей памяти: старый дом с башенкой и на пороге — большой мужчина с бородой...

Мама вела меня домой, очень сильно сжимая руку. Наконец я не выдержала и сказала:

— Мамочка, мне больно!

— Глупости... — ответила она, но немного осла- била хватку. — А зачем ты убежала?

— Я не убежала! Я пошла за кисой...

— Слышала уже! А этот дядя... он не сделал те- бе... не сделал ничего плохого?

— Нет, он только показал мне золотую карусель.

— Да? Ну ладно... только обещай мне, что больше никогда не будешь сюда ходить!

Я пообещала — но не сдержала свое слово. Слишком притягательным был этот дом.

— *Эльза!* — крикнул мастер Фридрих, оторвавшись от работы. — *Эльза, где ты там пропадаешь? Эльза, я, кажется, тебя зову!*

Дверь скрипнула, и старая служанка возникла на пороге мастерской, вытирая руки передником.

— *Ну и чего вам надобно, господин?* — прокаркала она своим скрипучим голосом.

— *Мне надобна тишина!* — раздраженно ответил хозяин. — *Я тысячу раз повторял, что мне нужна тишина во время работы, особенно такой важной и спешной, как сейчас! Ты знаешь, что я делаю музыкальную шкатулку для господина советника Люциуса... не какую-нибудь обычную шкатулку, а чрезвычайно тонкую, со многими хитрыми устройствами, а для такой тонкой работы потребна исключительная тишина, потому как это заказ не какого-нибудь булочника или колбасника, а для господина советника...*

— *Да хоть для самого архиепископа!* — перебила его служанка. — *Можно подумать, что это я подняла шум!*

— *А кто же еще? Весь шум в этом доме всегда происходит от тебя! То ты гремишь кастрюлями, то стучишь вальком для стирки, то кричишь на младших служанок...*

— Можно подумать, что обед приготовится сам, а ваши сорочки сами себя постирают! Но сегодняшний шум происходит не от меня. В город приехал какой-то торговец с Востока, и это его караван производит столько шума!

— Какой еще торговец? — переспросил мастер Фридрих, с трудом скрывая любопытство.

— А я знаю? — Эльза пожала толстыми плечами.

— Ты всегда все знаешь. Служанки все узнают одна от другой.

— Я знаю только, что он прибыл из каких-то далеких стран, из владений турецкого султана, что он несметно богат и собирается открыть торговлю у нас в Нюрнберге. Да вот, вы сами можете увидеть караван с его товарами, он как раз проходит под нашими окнами, и именно он производит шум, который вас беспокоил.

— Вот еще, — проговорил мастер Фридрих, пренебрежительно поджав губы, — у меня слишком много дел, чтобы разглядывать какой-то варварский караван! У меня в работе музыкальная шкатулка для самого господина советника...

— Слышали уже! — отмахнулась Эльза, поправляя фартук. — Не хотите — не смотрите, а я пойду на кухню, у меня суп закипает!

Едва дверь закрылась за служанкой, мастер Фридрих бросился к окну и отдернул занавеску.

По улице мимо его дома действительно тянулся удивительный, невиданный караван.

Там шли ослы и мулы в нарядных ярких пополах, нагруженные тюками и мешками, следом за ними медленно, неторопливо переступали длинными не-

складными ногами огромные невиданные звери с горбатыми спинами и влажными мечтательными глазами.

Эти сказочные существа несли столько грузов, столько тюков и кованых сундуков, сколько не унести и трем лошадям, и их упряжь тоже была украшена кистями и помпонами из красной шерсти, серебряными колокольцами и цепочками, издававшими при каждом шаге нежный печальный звон.

Один из горбатых зверей, словно почувствовав взгляд мастера Фридриха, повернулся к окну и издал громкий, протяжный рев.

Рядом с вьючными животными шли погонщики — смуглые люди в ярких тюрбанах и длинных расшитых одеяниях.

Эти погонщики были так богато одеты, что их можно было принять за купцов, и у каждого за шелковый кушак были заткнуты кривая сабля или пара кинжалов.

Как же тогда выглядит хозяин всех этих богатств!

Голова каравана приблизилась к дому покойного советника Вестфаллера и остановилась.

Ворота открылись, и караван потянулся во двор.

В это время в коридоре раздались шаги, и мастер Фридрих поспешно вернулся к рабочему столу.

Я вынырнула из волны воспоминаний и снова взгляделась в свою старую работу.

А что, пожалуй, в ней что-то есть...

Я смогла уловить и передать в своей картине что-то самое важное в этом доме.

Облезлые стены, покосившееся крыльцо, подслеповатые окошки и та самая башенка, которая дала дому его название — в этом было не жалкое ощущение нищеты и упадка, а таинственная прелесть красивого, благородного старения.

Так некоторые старики до самых последних дней сохраняют следы былого благородства.

Конечно, нарисовала я этот дом уже гораздо позже, в последнем классе школы, и был он уже совсем не тот, как когда я увидела его в первый раз. Тогда мне казалось, что дом этот шагнул на нашу улицу прямо из сказки, вот только я не могла еще сообразить, из какой конкретно, так как была очень мала. А вот потом...

Тут Маруся, которой надоело, что на нее не обращают внимания, довольно ошутимо толкнула меня в бок, так что картина едва не вывалилась из рук.

Я отложила картину в сторону.

Пожалуй, ее не стыдно будет представить на выставку... Хотя... ну какой из меня художник? Но раз Бобрик вбил себе это в голову, то легче согласиться, чем... но про это я уже говорила.

Ночью я крепко спала, что случилось впервые после того, как мы с Марусей переехали в эту квартиру.

Вот, казалось бы, здесь полный раздрай, ремонт, не хватает самых необходимых вещей вплоть до кровати, но до сегодняшнего дня впервые за много месяцев я чувствовала себя спокойно и спала как убитая.

Маруся, кстати, тоже, так что иногда мы даже не слышали звонка Васильича.

Васильич — ранняя пташка, встает в шесть утра и к семи уже бодр и полностью готов к работе. Так что, послушав пару раз его ворчливые неодобрительные монологи на тему молодых женщин, которые предпочитают валяться в кровати до девяти утра в обнимку с собакой, а потом жалуются, что никак им не устроить свою личную жизнь, я просто дала ему ключи от квартиры.

Тем более что тетя Света за него ручалась — дескать, честный, работающий и непьющий. Так оно и оказалось, кстати.

Но он обязательно звонит в дверь, прежде чем воспользоваться ключами, потому что Маруся хоть и хорошо к нему относится, утром может и нарычать.

Смешно, что я, взрослая и по некоторым меркам уже не совсем молодая женщина (крути не крути, а два месяца назад мне исполнилось сорок два года), называю кого-то тетей. Но вот привыкла так с детства, и уже поздно переучиваться.

Тетя Света жила в соседнем доме и была подругой моей мамы, а когда ее не стало, пыталась как-то помочь отцу. Он, кстати, помощи ее не принял, да и я тоже.

В общем, как-то мы с ней разошлись, а потом я вообще уехала из этого района. Так что общение наше свелось к ее звонкам в годовщину маминой смерти, тетя Света ни разу не пропустила эту дату.

Про отца она все знала лучше меня, у нас старый район, многие живут здесь всю жизнь, и ро-

дители их тоже тут жили, так что все друг друга знают. С собаками на одной площадке гуляют, детей в один садик водят, на лавочке в одном дворе сидят... В общем, много точек соприкосновения.

Так что в какой-то раз тетя Света сообщила мне, что у отца живет женщина. Ей она не понравилась, потому что не вступала ни в какие разговоры во дворе.

Правда, на мой взгляд, это скорее достоинство, чем недостаток.

Я тогда была очень занята детьми, так что позвонила отцу только через пару месяцев. Он был в плохом настроении и разговаривал со мной не приветливо, скорее даже грубо, оказывается, я забыла про его день рождения.

И правда, нехорошо получилось тогда, но накануне Андрюша принес из садика вирус, его, конечно, подхватила Ирка, потом Вадим, а я переболела на ногах, потому что кто-то же должен был подавать им чай и апельсиновый сок в постель.

В общем, мы с отцом поругались и долго не общались. Время шло, та самая женщина, по сообщению тети Светы, все жила и жила, и тогда я все же выбрала время с ней познакомиться.

Встретила она меня нелюбезно, возможно оттого, что ожидала с моей стороны разговоров в смысле «понаехали тут».

Ну да, была она из другого города, хорошо хоть не из другой страны, и с порога заявила мне, что на квартиру она не претендует и замуж за отца моего выходить не собирается. Выглядел отец так себе,

но я списала все на возраст, потом мы выпили чаю с принесенным мною тортом и распрощались без сердечности.

А по прошествии еще некоторого времени отца хватил инсульт. И об этом я тоже узнала от тети Светы, его сожительница не удосужилась даже мне позвонить.

Зато, когда отца выписали из больницы, она позвонила мне буквально на второй день. И велела прийти срочно. Когда я прибежала в панике, не надеясь застать отца в живых, то обнаружила ее в прихожей с двумя чемоданами и сумкой.

Не давая мне даже взглянуть на отца, она сказала спокойным голосом, что уезжает в свой город к семье.

И не успела я поинтересоваться, какого же черта тогда она проторчала тут почти пять лет, если у нее есть семья, мадам пояснила, что семья ее состоит из мужа и двух дочек и что муж — законченный алкоголик с приступами белой горячки, так что жить с ним было невозможно. А недавно муж умер, и старшая дочка вышла замуж и собирается родить, так что ей незачем больше здесь оставаться.

Тем более что отец явно останется инвалидом, а на такое она не подписывалась.

И пока я хлопала глазами, она подхватила вещи и ушла.

Я не стану описывать мои мытарства с сиделками, это неинтересно, и хочется поскорее все забыть. Тетя Света, конечно, помогала, иногда даже с отцом сидела, пока я меняла сиделок.

Ему становилось все хуже, он перестал меня узнавать, потом вообще потерял память, а последний год лежал пластом.

Я не хочу вспоминать ни об этом, ни о том, какое неприличное облегчение я почувствовала, когда как-то рано утром позвонила очередная сиделка и сообщила, что отец умер.

После похорон я наскоро прибралась, выбросила кое-что из отцовских вещей и закрыла квартиру, чтобы появиться в ней только через три года.

Тетя Света уговаривала меня сделать простенький ремонт и сдать квартиру, она и жильцов приличных обещала найти, но мне все было недосуг. А точнее, не хотелось обращаться к мужу, поскольку своих денег у меня не было. Выйдя замуж, я ни дня не работала, о чем муженек мой (бывший) не преминул мне напомнить за последнее время раз сто, если не больше.

Когда я дошла в мыслях до замужества, то усилием воли приказала себе прекратить воспоминания.

Что же это такое, только немного успокоилась, перестала вздрагивать от телефонных звонков и прислушиваться, и вот снова-здорово. Как только начну вспоминать, что случилось со мной за последние два месяца, так снова придется пить успокоительные таблетки.

Вместо этого я постаралась представить себе тот самый дом, который видела много раз уже потом, когда выросла и приходила к нему одна, без опаски.

Ну да, старый большой дом, веранда, которой хозяин уже давно не пользовался, но сохранив-

шиеся там несколько разноцветных стеклышек, покосившееся крыльцо с любовно вырезанными когда-то давно чьими-то умелыми руками фигурными столбиками, и окна с наличниками, всегда закрытые плотными занавесками, и сад, когда-то ухоженный и аккуратный, а потом кусты сирени ужасно разрослись, так что с дороги не было видно крыльца.

И высокое раскидистое дерево чуть в стороне... кажется, липа. Отчего-то в голове засело это название. И кормушка, висевшая на нижней ветке, куда зимой прилетали снегири и синицы, выполненная в виде круглой плетеной шкатулки... Шкатулки...

Тут перед глазами закружилась мерцающая золотая карусель, и я заснула.

Мишка позвонил около десяти, когда мы с Марусей уже прогулялись и купили бубликов в пекарне на углу.

— Заходи уж, — сказала я, — чаю попьем, потом пойдем.

Какую-то посуду и еще обиходные вещи я после смерти отца отдала сиделке, я ведь думала, что никогда не вернусь в эту квартиру. Так что сейчас пришлось купить электрический чайник и набор обычных керамических кружек, да тетя Света дала пару кастрюль из своих безграничных запасов.

Впрочем, Мишка и мальчишкой был небалованным, таким он и остался.

Пока я наливала ему заварку из чайника с отбитым носиком, кажется еще мамино, Мишка аккуратно разрезал бублик вдоль и щедро намазал

его маслом, потом положил сыр, нарезанный полукружиями, сложил две половинки и полюбовался результатами своей работы. Причем лицо у него было такое, что я едва не поставила чайник мимо стола, потому что глаза застили слезы.

— Кать, ты чего? — Мишка испуганно положил бублик на стол.

— Ничего... — Я потрясла головой и быстро заморгала: — Ты и раньше так делал...

— Ну да, а что такое?

— Да ничего такого. — Я проглотила комок в горле и постаралась, чтобы голос не дрожал. — Извини, не обращай внимания.

— Вижу, что тебе досталось в жизни, — вздохнул он и покосился на бублик.

— Да ешь уже! — Я улыбнулась сквозь слезы. — И пойдем, пока я не передумала.

— Кать, если что нужно... — Мишка протянул руку, чтобы погладить меня по плечу и тут же ее отдернул, потому что Маруся предостерегающе зарычала.

— Понял. — Он сосредоточился на бублике, а я пошла одеваться.

Прикинув, что куртка, в которой я гуляю с собакой, и старые потертые джинсы все же неприлично надевать в галерею, я достала из чемодана черные узкие брюки и кашемировый свитер, затем впервые за то время, что живу здесь, накрашила глаза и провела помадой по губам. Заколола волосы гладко и достала пальто. Оно было дорогое, купила я его в прошлом году в бутике, когда еще Вадим не жалел на меня денег.

Сейчас, посмотрев на пальто, я поняла, что оно совершенно не подходит к моему нынешнему имиджу. И к этой квартире, и к этому району, в общем, моя жизнь и пальто — это, как сказал классик, две вещи несовместные.

Поэтому я убрала пальто снова в шкаф, надела ту самую куртку (вещей у меня не так чтобы много, только то, что поместилось в два чемодана и сумку), отдала Бобрику папку с картинами, и мы ушли, с трудом уговорив Марусю остаться дома.

— И где же эта самая галерея? — спросила я Бобрика, оглядываясь по сторонам.

Мы подошли к мрачной арке, уходившей в глубину двора и больше всего похожей на беззубый рот старого великана.

— Вот здесь, в этом дворе.

— Мрачное место... — Я зябко поежилась.

— Зато колоритное. Здесь вполне ощущается атмосфера старого Петербурга... не парадного, как Дворцовая набережная или Невский, а того мрачного, таинственного...

— Петербург Достоевского! — подсказала я ему.

И правда, казалось, сейчас из подворотни выглянет Родион Раскольников с топором под полой.

— Ну, можно и так сказать.

— А по-моему, это просто отговорка, оправдывающая нежелание навести здесь порядок.

— Да ладно тебе...

Мы вошли в темный неуютный двор, куда наверняка почти никогда не заглядывает солнце, и сразу оказались на узкой дорожке, вымощенной

желтым кирпичом — прямо как в сказке про Волшебника Изумрудного города.

На этой дорожке было крупными буквами написано:

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ «МИЛАН»

— Ну вот, кажется, пришли!

Вымощенная кирпичом дорожка привела нас в самый дальний, самый темный угол двора.

Там, в этом углу, громоздилась бесформенная груда ржавого металлолома.

— Что это, твоя знакомая даже перед открытием выставки не могла навести порядок? Не могла этот хлам куда-нибудь вывезти? Ведь его увидят все посетители!

— Ты что, Плотицына! — Бобрик фыркнул, потом опасливо огляделся по сторонам. — Хорошо, что тебя никто не слышал! Иначе твоя репутация как художника была бы погублена навеки! Надо же — хлам! Это не хлам, а художественная композиция «Рождение красоты». Другими словами — концепт.

Он перевел дыхание и добавил:

— Между прочим, работа очень известного художника, Арсения Новоцерковского, большая художественная ценность! Милана очень гордится этим приобретением!

Он немного отступил от железной груды:

— Ты присмотришь — видишь, там, в середине, металлический цветок, преодолевая сопротивление материала, вылезает из клубка колючей проволоки? Он символизирует рождение красоты из мучительного хаоса повседневности... по крайней мере,

так это трактует Милана, а она в таких вещах разбирается...

Он хмыкнул и добавил:

— Ты же знаешь, для каждого галериста и искусствоведа главное — это придумать концепцию, подходящую к произведению искусства.

Я заново пригляделась к куче металлолома.

Действительно, при некотором уровне фантазии можно было разглядеть что-то похожее на железную розу, которая пробивалась сквозь ржавые колючки.

— А ничего, что эта композиция стоит под открытым небом? У нас в городе погода не очень, то дождь, то снег, так тут эта красота еще больше заржавеет.

— В том-то и дело! По замыслу автора, его композиция и должна быть выставлена под открытым небом, должна все больше и больше ржаветь. Это, по его концепции, символизирует непрерывный упадок культуры под губительным воздействием общества потребления и агрессивной окружающей среды.

— А-а... Ну тогда ладно...

Мы осторожно обошли объект концептуального искусства, поднялись по крутым ступеням и вошли в помещение.

Бросив один только взгляд вокруг, я похвалила себя за то, что такая умная, потому что не надела дорожее пальто.

В галерее царил та атмосфера предпраздничного безумия, которая всегда возникает в галереях и выставочных залах незадолго до открытия выставки.

В углу бородатый маляр еще докрашивал стену, в то время как на других стенах уже были развешаны картины и гравюры. Другие картины лежали на большом рабочем столе или стояли стопкой возле свободной стены.

В центре зала стояла крупная женщина с рассыпанными по плечам черными кудрями и темными маслянистыми глазами, облаченная в бесформенный комбинезон. По ее уверенному командному виду можно было сразу определить, что это хозяйка галереи.

Она внимательно оглядывалась по сторонам и командовала щуплому человечку с завязанными в конский хвост волосами:

— Эту сиреневую мазню перевесь левее... нет, повыше... нет, это ужасно... пока вообще убери...

Щуплый мужичок торопливо и послушно выполнял ее распоряжения, меняя местами одну картину за другой, некоторые отставляя к стене или откладывая на стол.

— А вот здесь нужно мрачное пятно... — продолжала хозяйка, склонив голову к плечу. — Нет, не то... и не это... совершенно не подходит, не сочетается...

Тут она наконец заметила нас с Бобриком и раздраженно проговорила:

— Михаил, ты не вовремя! Видишь, у нас здесь самая запарка... развеска не идет...

— Извини, конечно, Милана, — начал Бобрик, — понимаю, что отвлекаю от важного дела, но потом может быть поздно. Дело в том, что я привел к тебе замечательную художницу, чьи

работы просто необходимо включить в экспозицию...

— Что?! — Милана уставилась на него темными маслинами своих глаз. — Ты с ума сошел? До выставки осталась всего неделя, мы уже каталог отдали в печать, развеска вовсю идет, и тут ты приходишь ко мне нового участника? Михаил, ты вообще долго думал? Нет, нет и нет! Об этом не может быть и речи!

— Но, Милана, ты должна хотя бы взглянуть на ее работы. Они просто замечательно вписываются в концепцию выставки! Она училась в нашей художке и писала здешние дома. И так хорошо уловила колорит времени, колорит этого района...

— Я сказала — нет! Ты можешь хоть иногда думать головой, а не другим местом? Слишком поздно! Даже если бы ты привел ко мне нового Поленова или Утрилло — я не могла бы ничего сделать! Говорю же тебе — мы заканчиваем развеску!

— Но ведь еще не закончили! Одну-две картины вписать ничего не стоит...

— Михаил, лучше не зли меня!

Я подумала, что Бобрик зря привел меня сюда. Ну да, захотел показать, какой он важный и влиятельный, а мне теперь из-за него придется терпеть унижение. А этого я за последнее время нахлебалась выше крыши, надолго хватит.

— Бобрик, пойдем отсюда! — Я потянула Мишку за локоть. — Ты же видишь, как она настроена. Все равно ничего хорошего не выйдет, только нервы всем испортишь...

Он только сбросил мою руку и прошипел:

— Не мешай! Я знаю, что делаю! — И тут же продолжил, обращаясь к хозяйке: — Милана, ты меня знаешь. От меня так просто не отделаешься. Если я чувствую свою правоту — я ни за что не уступлю, как все триста спартанцев вместе с царем Леонидом! Я не уйду, пока ты хотя бы не посмотришь на ее работы!

Он перевел дыхание и закончил:

— Только посмотришь — большего я не прошу!

Милана шумно вдохнула, потом так же шумно выдохнула и проговорила:

— Ну, Михаил... ну, Бобрик... умеешь ты достать человека! Ладно, показывай. Но учти — я ее все равно не возьму. Даже если это новый Писарро...

Эта Милана мне не понравилась с первого взгляда, и только воспитанная за много лет выдержка помогла промолчать. И неудобно было перед Мишкой, он-то хотел как лучше...

Бобрик с победоносным видом подошел к столу, положил мою папку поверх чужих работ и открыл ее.

Сверху лежала та самая работа «Старый дом».

Облезлые стены, покосившееся крыльцо, подслеповатые окна... таинственная прелесть благородного умирания...

Милана замолчала и как-то подобралась, как охотничья собака при виде дичи.

— Ну что? — проговорил Бобрик, заметив перемену в ее настроении. — Я же говорил — то, что надо!

Тут подал голос щуплый мужичок с конским хвостом, который незаметно подошел и стоял за спиной Миланы:

— А ведь это как раз то мрачное пятно, которое просится на северную стену. То, чего ты хотела.

— Ты еще будешь... — фыркнула на него Милана. — Хотя... может быть, ты и прав. Эта работа идеально вписывается в концепцию выставки... просто идеально!

— Я же говорил! — радостно выпалил Бобрик.

Милана раздраженно взглянула на него, и я подумала, что он все испортил, но хозяйка все же протянула:

— Ладно, эту работу я, пожалуй, возьму... все же выставка открывается не завтра, а только через неделю. А каталог вообще еще не начали печатать, он к открытию все равно не будет готов.

— А две другие? — проговорил Бобрик.

— Михаил, заткнись! — рывкнула на него Милана. — Ты не понимаешь хорошего отношения! Я ведь могу и передумать!

— Молчу, молчу!

— Вот и молчи! Если хочешь, дам тебе жевательную резинку! Одну эту работу беру — и на этом все!

Она повернулась к ассистенту и скомандовала:

— Ну-ка, повесь на то место, с которым мы мутились!

Он быстро пристроил мою работу на свободное место и отступил, любуясь.

— А что — пожалуй, так будет неплохо... — проговорила Милана и повернулась ко мне, как будто только сейчас заметила: — Так ты, значит,

тоже в нашей художке училась? А что-то я тебя не помню.

Я хотела было сказать, что училась пятью годами позже, но вовремя прикусила язык — еще примет это за намек на возраст. Вместо этого я сказала:

— Ну, школа большая, всех не помнишь...

— И то правда... — Она снова оглядела меня оценивающим взглядом и добавила:

— Вернисяж через неделю. У тебя есть что надеть?

— Поищу... — Я едва сдержалась, чтобы не усмехнуться.

— Понимаешь, эти художники — они одеваются черт знает во что, и это им прощают. Это вписывается в их образ. Но ты вроде нормальная, и если прилично оденешься — это будет смотреться интересным диссонансом на их фоне.

— Найду что-нибудь... — Я все же улыбнулась, и она пригляделась ко мне более внимательно. Все же свитер на мне был почти новый, и джинсы хорошей фирмы, и ботинки...

Тут я забеспокоилась, что она сейчас начнет расспрашивать, кто я вообще такая, и придется ей рассказывать про мои семейные обстоятельства. Но нет, ей было явно не до расспросов.

Мы забрали папку с остальными работами и отправились восвояси.

Бобрик шел гоголем, и я решила его еще похвалить:

— Ты молодец, сумел ее уговорить!

— Да при чем тут я! — Он пренебрежительно отмахнулся: — Это ты молодец, хорошую картину

написала. Это не я, а твоя картина Милану уговорила, а я только и сделал, что упросил Милану взглянуть на нее. Знал, что она перед ней не устоит. Милана хоть и забурела в последнее время, но все же в искусстве разбирается, может отличить настоящее от дешевого фуфла, от мякины массовой культуры...

— Все равно, спасибо тебе. Если бы не ты, я бы не вспомнила те времена...

И мы распрощались, потому что он спохватился, что его ученики ждут. Я тоже поспешила домой и застала там озабоченного Васильича, который ожидал привоза душевой кабинки и остального оборудования для ванной.

Когда я вернулась в эту квартиру, я поняла сразу, что без ремонта не обойтись. Если в комнатах было все-таки можно жить, то сантехника буквально разваливалась. Про кухню я решила пока не думать. Я теперь женщина одинокая, так что готовить себе одной разносолы не собираюсь. Хватило уже за пятнадцать-то лет.

Сантехнику привезли только к вечеру, Васильич уже весь изворчался, так что мне пришлось сбегать в магазин и накормить его если не полноценным обедом из трех блюд, то хоть жареной картошкой и готовыми котлетами.

Васильича рекомендовала мне тетя Света, охарактеризовав его как честного, умелого и непьющего. Опять-таки берет недорого, сам по себе работает. Пока что я была им довольна, если не слушать его ворчания и не вступать в политические споры.